

Отрывок из сочинения Арриго Катерино Давила (1576–1631)

«История гражданских войн французских»

(*Historia delle guerre civili di Francia*, 1630)

Уже в начале июля все запасы зерна в городе были исчерпаны, и народу для поддержания жизненных сил не оставалось ничего другого, кроме как питаться овсом, которого осталось небольшое количество, и из овса, смолотого на мельницах, стоявших в городе по течению реки, они то выпекали хлеб, то варили себе похлебку, которая по-французски в народе называется *bouillie*,¹ и к этому изысканному кушанью добавляли конину, мясо собак, ослов и мулов, прибегая для себя только тех лошадей, которые использовались в военных целях, и тех, которые продавались открыто, чтобы прокормить семьи наиболее знатных господ. Но такое существование было еще терпимым и даже желаемым по сравнению с существованием простых горожан, которые не получая дохода от своей деятельности, доведенные до крайней нужды, без денег и без хлеба, собирались, как будто бессловесные животные на пастбище, щипая ту траву, которую находили во дворах, по дорогам, на земляных валах, и которой к тому же не было в достатке для такого множества народа, и от нее было мало толку, так как она захлахла от жары, или же по своим свойствам она еще и приводила к отравлениям, вызывая рвоту и кровоизлияния, и можно было видеть, как несчастные люди, будто пораженные лихорадкой или чахоткой, внезапно падали замертво посреди улиц, это зрелище вызывало столько жалости и глубокого отчаяния, что могло бы ужаснуть любую даже самую жестокую и безжалостную душу; и все же главные лица правительства и те, кто правили народом, легат, посол Мендоса и принцы были настолько стойкими, настолько твердыми в своих убеждениях, что им ни разу не пришла в голову мысль пожелать сдаться, напротив, они с величайшей суровостью

¹ В тексте: *bollita* (ит.) — (прим.перев.)

велели казнить Ренара, коменданта Шатле², и некоторых других сообщников, которые, желая освободиться от огромной опасности, имели смелость в один из дней, когда собирался совет, громко кричать: «Хлеба или мира!», и сами же простые горожане, находясь в состоянии великой тревоги и неся на лице печать приближающейся смерти, испытывали удовольствие от мучений и страданий, пребывая в убеждении, что это будет способ достойного и славного мученичества во спасение совести и для сохранения веры. Однако не обошлось без того, что кое-кто из особо страдающих горожан, то ли смиренных душою, то ли по воле случая не очень твердых в своей вере, не попытался подбить народ на смуту и не замыслил поднять шум, чтобы добиться достойного к себе обхождения или чтобы открыть проезд [в город] королю для его встречи с народом; и с очевидным чувством страха неминуемой смерти и жесточайших мук голода, они с большой храбростью выступали, призывая к восстанию, так что некоторые, встретившись вместе, договорились собраться однажды утром и сместить главных лиц правительства, которые держали совет во дворце правосудия, но так как разговор тайно достиг слуха донна Кристино из Ниццы, одного из доминиканцев, о том, что им³ придется трудно в обороне, он предупредил об этом принцев и легата, которые, призвав к оружию все ополчение, распределили между собой наблюдение за городом, и приказали, чтобы герцог Немурский днем и ночью объезжал верхом во всеоружии все городские кварталы, а шевалье д'Омаль⁴ постоянно пребывал во дворце на страже. И все же восставшие явились в назначенное время в большом количестве, и с криками: «Хлеба или мира!» угрожали порубить на куски совет,

² Шатле, или Большой Шатле — Grand Châtelet, замок в Париже, снесен в 1802 г. В тексте: Castelletto (ит.) – *(прим.перев.)*

³ сторонникам правительства *(прим.перев.)*

⁴ Клод Омальский — Claude d'Aumale (1564—1591). В тексте: cavallier d'Omala *(прим.перев.)*

если не будет принято решения; один из начальников ополчения по имени Ле Гуа неосмотрительно воспротивился им, и тогда один из заговорщиков выстрелил в него из пистолета, который прятал под одеждой, и убил его. Шевалье д'Омаль приказал закрыть входы во дворец, и тут же неожиданно прибыли герцог Немурский и посол Мендоса с вооруженными ополченцами; того, кто сделал выстрел из аркебузы, сбросили с балкона дворца, а некоторые из зачинщиков, кто не смог спастись, были схвачены и в тот же день казнены; народ же рассеялся сам по себе, и город избежал опасности, но главные лица правительства продолжали пребывать в беспокойстве, осознавая, что именно голод стал причиной большей части этих волнений, ухудшая с каждым днем положение в городе, и при этом не наблюдалось никакой явной надежды на помощь.

Примечания к переводу

1.

В начале отрывка обратили на себя внимание два слова **quel popolo**, которые грамматически не вписывались в контекст:

...né altro restava per servizio del popolo, che il nodrirsi d'avena, **quel popolo della quale** alcuna quantità era rimasta...

Проверив по оригиналу текста, этих слов там не нашел. (стр. 480)

<https://books.google.ru/books?id=Qvx904FfT0IC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

Видимо, произошла ошибка при подготовке текста, сканировании и т.п. Поэтому при переводе эти слова исключил.

2.

Il Goes во французском тексте *Journal de siège de Paris en 1590* упоминается как *Le Gois, capitaine de son quartier...*, *l'un des colonnelz de la ville*. Поэтому перевожу его имя на русский как Ле Гуа.

openlibrary.org/works/OL15438436W...du...de_Paris...1590

<https://archive.org/details/journaldusiged00fran/page/212/mode/2up>

Ф. Пигафетта в своем труде *Relatione dell'Assedio di Parigi* называет его ... *capitano della sua contrada, chiamato il Goes...* (стр. 80-81).

<https://books.google.cz/books?vid=NKP:1002402682&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false>